

УДК 316.4
DOI 10.20339/AM.03-23.021

С.А. Ветров,
д-р философ. наук, профессор,
заведующий кафедрой «Связи с общественностью, сервис и туризм»
Омский государственный университет путей сообщения
e-mail: s.a.vetrov64@yandex.ru

Д.В. Конишевский,
канд. философ. наук, доцент
кафедры «Русский и иностранные языки»
Омский государственный университет путей сообщения
e-mail: dv_konishvsky@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, ЕГО АКТУАЛЬНОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ

Проблема актуализации средневековых ценностей возникает с завидным постоянством, что обусловлено определенными основаниями. В идеалах Средневековья хотят видеть то лучшее, чего лишились. Поэтому периодически и возникает интерес к эпохе, с которой связывают способность к аскезе и подвигу. В современном обществе назрела потребность в духовном перерождении, потребность в искренней вере и в подлинном знании. Сам собой получается распространение вывод о том, что эпоха гуманизма завершается и должна наступить эра Нового Средневековья. Приходит время рождения новой культуры, создающей ценности не для практических целей и не для непрерывного наслаждения. Мы все больше нуждаемся в человеке, который в своей деятельности будет исходить из идеалов, а не из примитивной прагматики. Перед современной культурой встали задачи, в значительной мере тождественные культуре Средневековья. В качестве первоочередной выступает необходимость дисциплинировать, разносторонне развить и одухотворить человека, или аккумулировать «духовную энергию» в развитой личности. Обращаясь к Средневековью, наш современник бессознательно стремится создать новую реальность, обрести новый канон.

Ключевые слова: Средневековье, гуманизм, позитивизм, духовное перерождение, неофеодализм, осредневековывание, эстетика, конструктивизм, имперский проект.

PREREQUISITES FOR THE NEW MIDDLE AGES, ITS RELEVANCE AND POTENTIAL DANGERS

Sergey A. Vetrov, Dr. Sci. (Philosophy), Head of Public Relations, Service and Tourism Department at Omsk State Transport University, e-mail: s.a.vetrov64@yandex.ru

Denis V. Konishevsky, Ph.D., Associate Professor of Russian and Foreign Languages Department at Omsk State Transport University, e-mail: dv_konishvsky@mail.ru

The problem of the actualization of medieval values arises with enviable consistency, which is due to certain reasons. In the ideals of the Middle Ages people want to see the best of what they have lost. That is why there is periodic interest in the era, which is associated with the capacity for asceticism and heroism. There is a need for spiritual rebirth in contemporary society. A need for sincere faith and for true knowledge. The very idea that the age of humanism is ending, and that the era of the new Middle Ages must begin. The time is coming when a new culture will be born, one that creates values for neither practical purposes nor continuous enjoyment. We need more and more a person who will base his/her activity on ideals, and not on primitive pragmatism. Modern culture faces challenges that are much like those of the Middle Ages. The primary task is to discipline, to develop and spiritualize people in different ways, or to accumulate "spiritual energy" in a developed person. In turning to the Middle Ages, our contemporary unconsciously seeks to create a new reality, to find a new canon.

Keywords: Middle Ages, humanism, positivism, spiritual rebirth, neo-feudalism, medievalism, aesthetics, constructivism, imperial project.

Введение

Мотивы интереса к эпохе Средневековья

Интерес к эпохе Средневековья не является современным увлечением. С конца XVIII столетия проблема актуализации средневековых ценностей возникала с завидным постоянством. Для этого был целый ряд оснований.

Во-первых, не связанный высшим идеалом гуманизм делал всё более стремительные шаги в сторону практицизма

и утилитаризма. Образ человека, стремящегося к Горним высям, к постижению промысла Божьего, тянущегося к истине и красоте ради самой истины и красоты, стал постепенно вытесняться образом человека, претендующего на приращивание всей полноты жизни к собственным потребностям и желаниям; причем данные потребности перешли в сферу количества, они перестали совершенствоваться. Благородное желание сделать жизнь рядового человека сытной, безопасной, комфортной постепенно выродилось

в безусловную ценность безудержного, бездумного потребления. П.А. Сорокин отмечал:

...размышления над таинством Царства Божьего и гения — эти понятия все меньше воспринимаются как реальная жизнь, все меньше вдохновляют как реальная цель. Вместо этого растет сильная воля жить, наслаждаться «полной реальной жизнью», овладевать, улучшать, трансформировать эту жизнь. Эта жажда «реальной жизни» в конечном счете и разрушает творческий дух культуры. Период культурного расцвета предполагает жесткое ограничение воли «жить», он требует бескорыстной, в какой-то степени аскетической трансцендентности вопреки безудержной погоне за «наслаждениями жизни». Когда такое «наслаждение жизнью» овладевает массами, тогда эта «жизнь», а не культурное творчество, становится высшей конечной целью [1].

Во-вторых, набирающий силу позитивизм и выдвижение на первый план частнонаучных картин мира, отступление на вторые позиции целостного, наполненного возвышенно-мистическим содержанием взгляда на мир, утрата содержательной полноты и красоты труда давали ход набирающей вес машинерии, отчуждению человеческой деятельности, формированию частичного мировосприятия и др. Рациональное разделение, систематизация, схематизация ради повышения производительности труда и усиления эффективности управления сделали частичную функциональность нормой. Патернализм уступил место эксплуатации, искусство стало вытесняться мастерством, аскетический поиск истины монашествующим ученым уступил место деятельности научных корпораций, для которых основным результатом всё в большей степени становилось стремление получить отдачу в виде полезных и быстро монетизируемых открытий и изобретений.

Пришло четкое осознание того, что ресурс творчества так же исчерпаем, как и природные ресурсы. «Все возрастающая потеря контроля человека над созданной человеческой расой машинной Вселенной, ослабевающий самоконтроль над низменными, животными инстинктами человека, усиливающееся разрушение самого образа подлинного человека-гуманиста и появление деморализованного человеческого механизма и человекообразного животного, не имеющего ничего общего с подлинным гуманистом, — таковы некоторые приметы конца фазы гуманизма» [1].

В-третьих, многочисленные социальные течения, все более освобождающиеся от спекулятивных поисков, ставящие задачу эмансипации рядового человека (пролетария, женщины, представителя расовых и национальных меньшинств и т.д.), постепенно стали избавляться от человека как творца и хранителя человечности. К середине XIX в. усиливаются антигуманистические концепции и направления. Против гуманизма выступили анархизм, капитализм, футуризм,

теософия. Исчерпание гуманизма в известных нам формах привело общественное сознание к утрате интереса к человеку как таковому. Назрело время для Нового Средневековья.

В-четвертых, стала трансформироваться сфера духовного. Религиозность изменила направленность. Приоритет машинизации, видимое улучшение быта, рост производительности труда, расширение сферы услуг, увеличивающийся доступ к ранее недоступным благам ставил во главу угла технологичность как таковую. Технологизировалось искусство, технологизировалось христианство. Постепенно умирает воля к творческому созиданию. Планка культуры понижается, а качество подменяется количеством. Наступает время цивилизации в ее толковании О. Шпенглером [2]. Культура по своей сути бескорыстна и не заинтересована в практически ориентированных достижениях. Цивилизация, напротив, всегда утилитарна.

Религия трансформировалась в вербальный, ритуальный, экономический и политический инструмент. Она обрела статус технологии и лишилась вдохновляющей силы, а следовательно, утратила способность воспитывать готовность быть бескорыстным. Старая мудрость «делай добро и бросай его в воду» стала восприниматься как бездумное расточительство. Девальвировались понятия любви, дружбы, родины. Даже добро и милосердие обрели четкий институциональный характер, находящий воплощение в организациях, подобных «Красному кресту», «Движению сестер милосердия», «Армии спасения». Человека надо накормить, вылечить и поставить в строй. Если не получается, то определить в соответствующее лечебное, социальное учреждение. В практику вошли идеи «разумного эгоизма».

При несомненных плюсах всего вышеперечисленного, человек лишился стремления к высшим идеалам, а постижение сущностей было признано простой спекуляцией. В конце XX в. всё это неизбежно привело к состоянию, когда человек утратил желание совершенствоваться — он стал конструироваться. Наслаждение чувственными радостями заменило собой радость от созидания и творчества. Наступает

...нехристианская, даже, более того, антихристианская фаза западной культуры — секулярный гуманизм. Гуманизм ставит человека в центр Вселенной, считает его высшей ценностью и мерой всего. Его главным предзнаменованием было высвободить и развить творческие силы человека, предложить испытания и проверку человека свободой безо всяких ограничений, когда единственной силой сдерживания является разум, здравый смысл и самоконтроль. Это был период освобождения человека от разного рода «сверхчеловеческого» контроля и децентрализации его сконцентрированных внутренних сил, период, в течение которого он исчерпал свою творческую энергию, накопленную в период Средневековья, и отказался от приоритета религиозных ценностей, характерных для Средних веков [1].

Человек в Новом Средневековье

Обращение к идеалам Средневековья стало набирать обороты. В Новом Средневековье хотели видеть то лучшее, чего лишились. Популяризаторы данного подхода теоретизировали подобно деятелям эпохи Возрождения, которые из Античности извлекали героический образ гражданина, творившего новый мир. При этом интеллектуалы Возрождения не хотели замечать фаталистического мировоззрения античного человека, его жесткую полисную детерминированность и отсутствие у него личности.

Человек Нового времени заменил античный космический детерминизм пантеизмом, а затем ввел понятие объективных механических законов, которые, по его мнению, необходимо открыть, постичь и в соответствии с ними постоянно улучшать свою жизнь. Однако полноценное улучшение жизни и приближение к счастью еще не исключало бессознательного стремления к Высшему, к идеалу как таковому. Потребность в искренней вере и в подлинном знании еще сохранилась. Поэтому периодически и возникает интерес к эпохе, с которой связывают способность к аскезе и подвигу. Сам собой получает распространение вывод о том, что эпоха гуманизма завершается и должна наступить эра Нового Средневековья. Приходит время рождения новой культуры, создающей ценности не для практических целей и не для непрерывного наслаждения. Мы все больше нуждаемся в человеке, который в своей деятельности будет исходить из идеалов, а не примитивной прагматики.

Монах и рыцарь выполнили свои функции, дисциплинировав и одухотворив человека. Поэтому их образы стали разновидностями дисциплинированной, разносторонне развитой, духовно свободной, способной творить, не боящейся внешнего мира личности. Они представили собой сконцентрированную на внутреннем мире «силу», сосредоточившуюся на стремлении к Горним высям. Перед современной культурой встали задачи, в значительной мере тождественные культуре Средневековья. В качестве первоочередной выступает необходимость дисциплинировать, разносторонне развить и одухотворить человека, или аккумулировать «духовную энергию» в развитой личности. Обращаясь к Средневековью, наш современник бессознательно стремится создать новую реальность, обрести новый канон.

При этом понятие Нового Средневековья наполняется разным содержанием. Сторонники духовного перерождения полагают, что именно вновь выработанный аскетизм ученого, воина, чиновника, творца, устремленного к правоте и истине, выведет нас из машинной животности. Именно это сознательное и бессознательное стремление способствует активизации интереса к Средним векам. Здесь, наряду с частными поисками, как всегда, хватает спекуляций, красивостей, массовизации и манипуляций. Другое дело,

что из средневекового воина и монаха ряд исследователей и идеологов хотят создать нового человека, подобно титанам эпохи Возрождения, соотносивших итальянского буржуа с творцом Великого Рима, а свою смелость и предпринимательство щедро отдававших гордому легионеру, который творил *Rex Roma*, — а они, в свою очередь, с XV в. начали творить свой *Rex Europa*.

Однако идеализировать Средневековье опасно. Необходимо помнить, что современные идеологи используют его как конструктор, поэтому к нему и следует подходить как к конструктору. Создавая основы гуманизма, деятели эпохи Возрождения так же конструировали свою Античность. Они последовательно развивали фундаментальный принцип антропологизма.

Современным исследователям, основывающим исследования на гуманистической позиции, необходимо предложить образ нового космического и социального порядков и связать их с переработанным духовным наследием человека, который вышел из плена социально-духовных практик и оказался способным к творческому человечески ориентированному взгляду на «внешние идеалы», к преобразению себя и окружающего мира через освобождение от животного прагматизма. В проекте Нового Средневековья спонтанно осуществляется попытка соединения героя-пророка-аскета-землепроходца-творца нового знания в новом человеке. Запрос на него есть. Но акта творческого преобразования — нет. Пока наблюдается лишь стремление конструировать и синтезировать. В этом случае вполне вероятно появление творения в стиле доктора Франкенштейна.

Основная часть

Неофеодализм

Итак, можно определить несомненную объективную тенденцию «осредневековывания» и выделить субъективные усилия, направленные на преодоление негативных последствий реализации Нового Средневековья, — учитывая, что эти усилия часто приобретают спекулятивный, идеологизированный вид, далекий от позитивных устремлений.

Дж.К. Гелбрейт Новое Средневековье отождествлял с Новым Феодализмом [3]. Он объединял насильственные методы феодализма с эксплуататорством капитализма. При буржуазной ориентированности общества для неофеодализации характерно внеэкономическое принуждение и если не разрыв, то существенное ограничение внешнеэкономических связей, переход власти к органам насилия и принуждения.

Неофеодализм в современном воплощении вполне может оформиться как власть корпораций, этих крупных закрытых владений частной собственности, хозяева которых

берут на себя функции государства. Корпорации обретают мощь государства, а государство сотрудничает с ними в контроле над территориями, вследствие чего:

- ◆ происходит постепенное обесценивание гражданства, поскольку охрана общественного порядка превращается в товар;
- ◆ увеличивается разрыв между богатыми и бедными, государство сокращает защиту последних;
- ◆ возрастает корпоративное регулирование общественной жизни людей.

Неофеодализм привносит во власть модернизированный оцифрованный вариант авторитаризма, в связи с тем, что бизнес-корпорации руководствуются экономическими показателями, а не принципами патернализма в отношении к подданным. Корпоративная этика даже не предполагает возможность греховных поступков. Проступка перед Богом нет, проступка перед обществом тоже нет, а есть проступок перед фирмой.

Необходимо помнить, что для целого ряда исследователей возможность Нового Средневековья предстает в виде полномасштабной социальной деградации. Начинается эта эпоха, по мнению медиевистов, с темных веков. Феодальная организация Западной Европы поздней Античности стала не оптимальным выходом из полномасштабного кризиса, а результатом деградации технологически развитого римского социума.

Средневековье представляет собой страшное испытание, значительно более тяжкое, чем временная амнезия, которой нередко страдают люди, выжившие в землетрясениях, сражениях или при бомбардировках... Средневековье означает, что массовая амнезия выживших приобретает постоянный и фундаментальный характер. Прежний образ жизни исчезает в пропасти забвения, как если бы его вообще не было [4. С. 15–16].

Формирование варварских королевств, имеющих печать племенной организации, осуществилось на территории, некогда связанной сложными политическими, экономическими, юридическими коммуникациями.

В малоизвестных версиях Средневековья обнаруживаются сходные феномены, приводящие культуры к гибели. Соединение множества отдельных потерь стирает из памяти прежний образ жизни. Он видоизменяется по мере того, как богатое прошлое преобразуется в жалкое настоящее и непонятное будущее [4. С. 19].

Новое Средневековье проявляет себя как реакция на наметившиеся неофеодальные тенденции, обнажает новые-старые проблемы: новое варварство, новое переселение народов, новые мистические культы. Старые цивилизационные центры начинают испытывать жесткое давление. Варварская периферия (внешний пролетариат, как опреде-

ляет его А. Тойнби) приходит в центр благополучия, обнажает и радикализирует общественное мнение европейцев.

Здесь также актуализируются средневековые символы. Например, для французских правых новый импульс получает культ Жанны д'Арк. В общественном сознании оживляются мифы битвы при Пуатье, обороны Вены, образы прошлого включаются в идеологическое оформление процесса столкновения цивилизаций. Помимо этого, в общественном сознании укрепляется страх перед наступающими экономическими проблемами, страх перед утратой комфорта, благополучия. И здесь неизбежно возникают религиозные по духу экологические, гендерные, молодежные и даже детские движения со своими святыми (Грета Тумберг), укрепляется ювенальная инквизиция, культура отмены и т.д. На страхах вырастают образы грешников, слуг темных сил. Начинают работать представления о мире за стеной Вечного холода (Игра Престолов), Мордора (Властелин Колец), возникают пугающие образы злодеев-отравителей (Петров и Баширов) из темного Тартара. Мы присутствуем при реинкарнации средневековых мифов в самой ранней стадии, с самыми примитивными и низменными страстями. Одномерный человек, человек массы, человек потребляющий – готов стать человеком средневековым, причем представителем именно темных веков.

Джейн Джекобс констатировала проблему Средневековья в контексте коллапса современной экономической и политической модели, которая исходит из безусловных ценностей потребительской глобальной цивилизации. Разрушение естественного фундамента саморазвивающейся культуры неизбежно, по ее мнению, внесет нас в мир раннего Средневековья с его утратой основных хозяйственных, универсальных культурных, юридических, политических основ. Уйдет в прошлое личность ответственного, планирующего и строящего свою жизнь гражданина. И власть легко отойдет от политики социальных обязательств. По этому поводу у нас не должно быть иллюзий.

Осредневековывание

Говоря о периодически возникающем идеологическом интересе к Средневековью, необходимо сделать несколько ключевых оговорок. Прежде всего, данное положение оформилось в христианском мире и связано с актуализацией европейского Средневековья. Для Азии и Африки осредневековывание – уже не идеологическая проблема, а суровая реальность. В обществах же, условно обозначаемых как христианские, это касается и самого интереса, и объекта интереса (символы, институты, практики). Поскольку идеологема «Новое Средневековье» сформировалась в европоцентрическом контексте, мы в любом случае неизбежно оказываемся в объятиях европоцентризма.

Средневековье – эпоха, обозначенная самими европейцами, причем западными европейцами XIV–XV вв. Если взять в качестве условной датировки конец Античности в 476 г. (падение Западной Римской империи) или 529 г. (закрытие Афинской академии) и, по меткому определению Хейзинги, «осень Средневековья» (XV в.) – это 1000 с лишним лет [5]. За этот период в Западной Европе были и темные века, и отступление от христианства, и культурный расцвет, и реализуемая в новых государствах энергия норманнских завоеваний, и духовный подвиг Франциска Ассизского, рост городов, и оформление городских союзов (Ганза), романтика и прагматика крестовых походов, и Высокое Средневековье с его разработанной эстетикой, нашедшей воплощение в придворном этикете, музыке и поэзии трубадуров, куртуазных манерах знати, изысканной многослойной символике и в то же время в жестоких еретических движениях и в институциональном подавлении несогласия (инквизиция) и т.д.

При этом всегда следует помнить, что, помимо богатейшего культурного наследия средневековой Западной Европы, мы не можем игнорировать другие регионы мира, для которых эти 1000 лет оказались невероятно плодотворными. Отметим, что Русь, Византия, Персия, Индия, Китай, Арабский Восток счастливо обошлись без понятия Средневековья. За этот период сложился и распался Халифат; достигли своего могущества государства Сельджуков, Хорезмшахов, Газневидов и др.; расцвела и погибла блестящая китайская династия Тан. Благодаря Великому шелковому пути развилась мировая торговая сеть. Пережила свой взлет и упадок Византия с ее потрясающими наукой и искусством. Русь прошла такие этапы, как золотой Новгородско-Киевский период и хозяйственно культурный расцвет земель Северо-Востока, Северо-Запада, Юго-Запада, и монгольское вторжение, и возвышение Москвы, создавшей матрицу рождающейся империи (Иван III) в XV в.

Соприкасаясь с эстетикой западного Средневековья, легко подпасть под его очарование и начать мыслить себя в его контексте, тем более опираясь на детально разработанную систему западной медиевистики. На самом деле, несмотря на стремление заново одухотворить человека и обрести новые точки устойчивости, актуализация интереса к Средневековью в XX в. в Западной Европе, Восточной Европе и на постсоветском пространстве имела одни истоки. При этом интерес стимулируется разными идеологическими потребностями. Прежде всего, это связано с потребностью разных обществ в конструировании собственного Средневековья (в применении к России и Востоку этот термин имеет условное значение). Складывается ситуация столкновения символических рядов, систем понятий, религиозных духовных практик. Создание интерпретации

Средневековья, а по сути, разработка нового средневекового проекта приобретает идеологический статус.

Потенциал Средневековья стал востребован из-за необходимости поиска новых государственных идентичностей. Например, некоторые страны Передней Азии и Северной Африки оказались в прямом смысле ввергнуты в Средние века, тем более что такие страны, как Афганистан, институционально и религиозно-идеологически из них и не выходили. Однако осредневековывание коснулось и активно модернизирующихся обществ (Ливия, Тунис, Сирия, Ирак), которые из-за внутренних неурядиц и внешнего воздействия оказались отброшены в прошлое. В качестве единственного способа их самоорганизации проявились племенные (архаичные) институты; ренессанс переживают традиционные формы права, например, шариат, адат. Средневековье ярко выразилось в регионализации, что было вызвано, как и в эпоху завершения Античности, коллапсом централизованных систем.

Происходит разрушение крупных сложных систем, типичных для технологической эры. Центральная власть в результате внешнего вторжения теряет способность эффективно руководить. На данный момент эти общества переживают полноценную технокатастрофу, выраженную в деградации энергетической системы и транспортных коммуникаций, крушении телесвязи и цифровой системы управления. Такое положение приводит к проблемам в снабжении продуктами, лекарствами, взрыву преступности, столкновению различных групп недовольных друг другом и властями. Выход из коллапса неизбежно приведет к ужесточению управления с усилением администрирования, склонности к насилию, возможности создания авторитарных систем.

Главными становятся региональные центры власти, обладающие необходимыми для социума ресурсами. Снова основными источниками информации станут слухи, оживут архаичные по своей сути религиозные культы, проявятся и станут серьезной проблемой забытые болезни. Выживать станут регионы, которые имеют навык натурального хозяйства и полунатурального обмена. В этой связи появляются перспективы у новых корпораций, прототипами которых можно считать монашеские или рыцарские ордены – обладатели образовательного, медицинского, технического, информационного знания.

Современный мир представляет собой поразительную мозаику, составленную из культур победителей, групп, погруженных в старое или новое средневековье, групп, пытающихся выбраться из порочной спирали, тянущей вниз; остатков драгоценных культур: обломков рухнувших империй. Даже внутри одной страны существует такая мозаика из культур современных, архаичных и средневековых [4. С. 248].

По этому поводу М. Фуко писал, «что общество организовано в своей политической структуре таким образом, чтобы некоторые могли защищаться от других, или защищать свое господство от восстания других, или, еще проще, защищать свою победу и увековечивать ее, навязывая другим состояние подчинения» [6. С. 39].

Конструктивизм

Отмечая особенности осредневековывания, нам следует остановиться, пусть и бегло, на мировоззренческих построениях «средневекового конструктивизма» некоторых регионов. Для успешного проектирования интеллектуалы Восточной Европы использовали наиболее удачные варианты Высокого Средневековья – т.е. периода, когда государства Польши, Венгрии, Валахии, Чехии демонстрировали хозяйственные и политические успехи, рост национального самосознания, выдвигали великих государственных деятелей, не чурались идей Возрождения, были включены в общественные мировоззренческие процессы (например, реформации). Дворы восточноевропейских правителей строились по стандартам общеевропейских дворов (балы, турниры, королевские охоты и т.д.). Казимир III Великий, Гедимин и Витовт Литовские, Цепеш Валахский, Габсбурги, Ян Гус, Коперник и т.д. Одним словом, для восточноевропейских государств актуальны идеологические построения позднего Средневековья, когда начался процесс интенсивного строительства национальных государств. Именно здесь ими в потенциале средневековых образов и символов находят все необходимые элементы их новой национальной идеологии.

В этом ничего нового нет. В Восточной Европе средневековые конструкции активно использовались уже в начале XX в. Достаточно вспомнить движение чешских «соколов», строивших свои националистические проекты на мифологической интерпретации воинской доблести Яна Жижки, религиозной последовательной позиции Яна Гуса. Причем из проектов сознательно вымарывались кровавые деяния гуситов в Центральной Европе. Средневековая государственность, символика и ритуалистика были восприняты как потенциал националистических идеологий, который позволяет чувствовать себя одновременно частью общеевропейского дома и тешить свою самобытность. В частности, осознание своей особенности находит воплощение в современном противостоянии стран Восточной Европы политике навязывания Евросоюзом необходимости размещения на их территории мигрантов.

Опираясь на вышеизложенное, отметим, что интерес к Средневековью находится в широком диапазоне. Он распространяется и на поиск мировоззренческих оснований государственных идеологий, и на создание вариантов удовлетворения общественного любопытства к экзотическому,

фэнтезийному, свободному от бюрократии и авторитаризма пространству, к миру с правом достойного отстоять свое достоинство. Получают популярность красоты в духе «Игры престолов», а не в стиле «Трудно быть богом» (режиссер А. Герман).

Можно сказать, что обозначились две тенденции – социально-экономическое впадение в новые «темные века» и интеллектуальная попытка осуществить позитивно нацеленное проектирование. В первом случае мы видим реальность современных Афганистана, Ливии или Сирии, в другом случае наблюдаем реализацию общественных ожиданий, хотя и имеющих весьма смутное, подчас антиутопическое выражение.

Рассматривая **возможность осредневековывания**, необходимо учитывать ряд обстоятельств.

Во-первых, данный идеологический интерес возник на основе поиска новых вариантов идентичности вновь возникших государств. Эта тенденция проявилась на постсоветском пространстве, где актуализировались культурные символы и оживились институциональные проблемы уровня XIX, XVIII и даже XVII вв. Отсюда активизация символических поисков, которая неторопливо велась вскормленной московской бюрократией национальной интеллигенцией. Правда, ничего конструктивного без централизованного курирования они произвести не смогли. Средневековый потенциал стал активно осваиваться националистами, а иногда даже нацистами [7; 8; 9].

Во-вторых, образ Средневековья стал реакцией на наметившиеся негативные тенденции деградации производственной, социальной, научно-образовательной сфер. Он выразился в нарастающей сегментации общественной жизни, регионализации хозяйства, деформации универсальных государственных структур (например, деформация работы конституционного суда на Украине), росте влияния местных вооруженных формирований (своеобразных дружин при князе). Неофеодальные институции в этой связи, к сожалению, становятся «оптимальной» моделью организации жизни деградирующих государств.

В-третьих, использование средневековых символов на огромном евразийском пространстве обнаружило весь потенциал возможностей – от раннефеодальных конструкций «кочевой демократии», от превращения территории индустриального Юго-Востока Украины в Дикое поле (термин последние годы широко применялся из-за индустриальной деградации и возможности обезлюдения территорий) до популяризации вполне состоявшихся состояний средневековых государств. Мы наблюдаем весь набор:

- ◆ использование средневекового символизма;
- ◆ модернизированные варианты трайбализма;

- ◆ расколы монотеистических конфессий;
- ◆ оживление неоязыческих практик.

Отмечая религиозный элемент осредневековывания, следует выделить активную эксплуатацию возрастающей религиозности и возникновение многочисленных квазикультов, религиозных ересей, появление пророков и по совместительству полевых командиров, которые смело пытаются на свой лад истолковать, например, Коран или по-новому прочесть Библию (Турчинов). Средневековые эксперименты с религией получают широкое распространение. Достаточно упомянуть политику раскола православия на Украине (Киевский патриархат, движения вокруг Томаса и дрейф части украинского клира и паствы в сторону Константинополя), активизацию польских католиков в Белоруссии, раскольническую политику абхазских православных и их конфликты с Грузинской православной церковью, попытки создания эстонского патриархата и т.д.

Средневековая тематика на постсоветском пространстве была инициирована распадом страны в 1991 г. и обрела особую специфику воплощения. Прекращение существования СССР поставило перед бывшими советскими республиками проблему осознания себя. Исчезновение в одну минуту институциональных и идеологических ограничений не только советских, но и российских имперских, побудило к интенсивному поиску оснований вновь возникших государств. То, что представлялось лишь в виде литературных, живописных, кинематографических экспериментов в творчестве национальной интеллигенции, вдруг обрело статус строительного материала новых государственных идеологий.

Не будем вдаваться в детальный анализ. Ограничимся лишь беглым просмотром. Потребность в обретении культурных основ новой государственной идентичности обнаружила явную символическую недостаточность. Обширные территории стали органичным целым России 200–300, а то и 400 лет назад. В течение всего этого времени национальная или, лучше сказать, националистическая интеллигенция могла черпать вдохновляющие образы, исторические аналогии, героический пантеон в своем дороссийском существовании, неизбежно прибегая к сознательной идеализации фольклорных сюжетов и героизации полулегендарных персонажей. Именно поэтому внимание к собственной государственной истории, как правило, ограничено или потенциалом Средневековья, или более поздними рефлексиями этого самого Средневековья. Данная практика относится скорее не к временному периоду, но к социальным институтам.

Сложилась интересная ситуация, когда современные государства, перед которыми встали новые глобальные вызовы, начали искать опору в давно ушедшем через по-

пытки его мифологизировать и сделать его актуальным «прошлым-настоящим». Данная операция приобретает своеобразный вид.

Например, Великое княжество Литовское представляется не только как воспоминание о величии и доминировании на территории Руси. Методичные грантовые исследования становятся попыткой создать основу для современной Литвы и дать возможность западно-ориентированным белорусам утверждать свое литвинство (читай европейство), т.е. обозначить дистанцию от всего русского [10]. В многочисленных популярных изданиях рассуждают о княжестве Полоцком и о Рогнедовом наследстве. То есть начали предприниматься усилия по обоснованию особого белорусско-балтского этноса.

Молдавская интеллигенция уже в позднесоветский период культивировала образ Стефана III Великого, который на исходе Средневековья создал одно из ведущих государств Восточной Европы – княжество Молдавия – и был союзником другого известного мифологизируемого персонажа «осени Средневековья» – господаря Валахии Влада III Цепеша (Дракулы).

В Грузии вспомнили о Золотом веке в период правления Давида Строителя и его внучки царицы Тамары, когда почти сто лет Картли была гегемоном на Южном Кавказе и влияла на политику в Ближневосточном регионе.

В Казахстане активизировали популяризацию евразийской темы, у которой, впрочем, появился конкурент в виде проекта великого Турана [11]. Собираются конференции, проводятся исследования, актуализирующие тематику тюркских держав степняков. Стало мифологизироваться чингизидство как таковое; обозначилась линия преемственности, степной интеграции и великого прошлого. Казахский режиссер Булат Мансуров создает эпическое кинопроизведение о Бейбарсе, египетском султани мамлюков. Кочевым национальным героям придается континентальный статус. При этом следует помнить, что тюркскую принадлежность Бейбарса никто не оспаривал, однако его казахская идентичность видится проблематичной.

В Узбекистане, имеющем давнюю государственную историю начиная с древнего Хорезма, на первый план в кино, литературе, в научных исследованиях вышли вперед несомненно выдающиеся Тамерлан, Улугбек и др.

Постсоветская Средняя Азия, оживляя собственный вариант Нового Средневековья, воспроизвела в тех или иных вариантах стандарты восточных деспотий. Можно отметить установившуюся институциональную консервацию социально-экономической системы, которая обрела вполне определенный нефеодалный вид. Во главе бывших союзных республик оказались по-современному названные ханы, эмиры и падишахи. Для обеспечения стабильно-

сти данный вариант стал вполне приемлемым. Хозяйство в целом перешло к добыче природных ресурсов, экспорту сельхозпродукции и продовольственному самообеспечению. Большое число трудоспособных граждан оказались лишними на своей родине. Реальных прорывных, перспективных экономических проектов пока не наблюдается. Центральноазиатские государства, которые демонстрируют «процветание», на данный момент следует рассматривать в институциональном контексте неофеодализма.

В среднеазиатских государствах активизировались родовые институции. Так, например, в Казахстане вполне естественным для государственных служащих стало обозначение принадлежности претендента на должность к тому или иному племени и жузу. Современная Киргизия не может выйти из состояния «кочевой демократии», которую можно отнести к раннефеодальной стадии. Лидеры решают одну задачу – обеспечение существования своих сородичей. Социальный порядок обеспечивается достигнутыми договоренностями между руководителями кланов. Хозяйство здесь не имеет не то что постиндустриальных, но даже индустриальных перспектив. Доминируют натуральное хозяйство, экспорт сельскохозяйственной продукции, транзит, наркотрафик. Смена власти всегда сопровождается межклановыми столкновениями.

Общества современной Центральной Азии демонстрируют или средневековый, со всеми оговорками, авторитаризм, или племенной консенсус. В любом случае самоперспектива этих обществ – стагнация, хотя при этом можно сколько угодно славить Тамерлана, Чингисхана, Улугбека, Бейбарса. Они предстают лишь в виде красивой картинки, в лучшем случае поэтизируются подобно славному Манасу, но при этом не становятся основой мобилизационного проекта. Образы великих предков способствуют консервации существующего порядка.

Неофеодализм, с его реинкарнацией феодальных практик управления и хозяйствования, предполагает только одну перспективу – поиск инновационных центров с опорой на них и поиск модернизационных проектов ради включения в них, но уже не в качестве обществ, хранящих устаревшие навыки и мировоззрение. Это должны быть общества, которые преодолеют себя и выйдут на новые уровни гражданского единства, с обязательной готовностью превратить свою традиционность в строительный материал нового общества. Образно говоря, дреговичи и кривичи не смогли бы построить государство – Древнюю Русь. Как правило, обратное движение способно привести, например, космическую Украину к состоянию конфедерации лемков, бойков, северян и т.д. Необходим трансцендентальный выход из укрепляющегося феодального типа сознания. Следует помнить, что феодальная организация является не оптимальным выходом, а результатом деградации технологически развитого социума.

Особое место Средневековье заняло в сознании нового политического класса Украины и украинской интеллигенции. Здесь и несомненный статус украинства, который был присвоен князьям древнего Русского государства, здесь и новообразованная символика, которой стали придавать не славянское, не православное, а сразу украинское значение. Исследования Средневековья на территории, которая относится к современному Украинскому государству, свершались в значительной степени в борьбе за право первородства. Утверждалось, что подлинная Русь – это Киев, а Москва лишь присвоила себе наследство древнего русского государства. Москва перестала быть европейской, она слилась с морем финно-угров, а после татаро-монгольского нашествия окончательно обрела статус восточной деспотии с рабским населением [12]. Украина же сохранила статус европейского государства с его традициями народного собрания, Магдебургским правом в ряде городов Украины (благодаря вхождению в великое княжество Литовское), рыцарству (рыцарству), культуре вольности, превозносимой в поэзии Т.Г. Шевченко, через образ казака и т.д.

Украинские интеллектуалы не просто подняли проблему идентичности, но стали последовательно отстаивать идею единственности и неповторимости Русского государства в его украинской ипостаси [13]: Русь и есть Украина. Однако, сказав «А», они не решились сказать «Б». Сторонники идеологии украинства не решились обоснованно позиционировать себя русскими. Оставшись в лоне украинства, украинский политический класс и интеллигенция стали совершать увлекательный эксперимент по конструированию средневекового украинства. Правда, стоит отметить, что, чувствуя беспочвенность данной затеи, тот или иной представитель украинского политикума иногда объявлял украинцев «руськими».

Регионализация, тяготение к натуральному хозяйству, локальные системы безопасности, выступление на первый план правовых регуляторов в виде обычаев, рост влияния харизматических местных лидеров, а то и просто криминальных авторитетов, берущих на себя право обеспечивать «порядок», не есть результат лишь современного наступления на национальное государство. Подобная практика сложилась в поздней Античности, когда западное римское общество с его универсальными системами права, управления и обеспечения безопасности охватил полномасштабный кризис. Кризис современных глобальных систем в некоторой степени можно сравнить с кризисом поздней Античности.

В Украине уже региональные выборы 2020 г. показали деградацию центральных политических партий и выход на первый план руководства даже не регионов, а областных городов – т.е. тех, кто обладает административным,

силовым и хозяйственным ресурсом, обеспечивающим выживание контролируемой территории. Способы получения доходов в регионах всё более приближаются к феодальным способам (сборы с транзита, добыча самых первичных ресурсов (янтарь, лес, уголь)). Население отправляется на поиски работы в сопредельные страны. В политический дискурс вошло представление об успешном осуществлении проекта Украины по принципу «без». Литвин, бывший спикер верховной Рады вбрасывал идею об оптимальности державы без Галиции. Другой экс-спикер, Парубий, предлагал то же самое, но без Донбасса. Помимо этого, институциональная феодализация стала обретать дохристианские языческие черты [14]. Начали реализовываться уже не эстетические, а институционально ориентированные, оформляемые пусть и на модернизированном, но всё же квазиплеменном уровне мировоззренческие сентенции, связанные с такими этническими группами, как лемки, бойки, гуцулы, полищуки и т.д. Такой интеллектуально-мировоззренческий изыск оформляется в квазиидеологическое основание нового раннего феодализма, новых «темных веков», которых, кстати, в Древнем Русском государстве не было.

Полагаем, что перечень можно ограничить. В дополнение к нему характеристика других постсоветских территорий сути не поменяет. Подчеркнем лишь, что оживление средневековых фантомов было вызвано идеологическими и институциональными потребностями. Конструируя новые идентичности и используя материал Средневековья, творцы государственных идеологий подходят выборочно к строительным элементам (образцам, символам, героям, мифам). Обычно из истории и культуры извлекаются наиболее выигрышные периоды и личности — «золотой век», «расцвет», «блеск эпохи», великие правители, победы в сражениях. Идеализация избегает детального и часто честного анализа. То, что за взлетом наступает спад — игнорируется. А эти проблемы должны быть учтены прежде всего. Тем более что процесс осредневековывания стал реальным.

Задача очевидна: необходимо увидеть опасности осредневековывания, которые вполне реальны, и осознать, что современная глобалистская модель тотального потребительства себя исчерпала. Можно попытаться включить в построение нового мира весь наличный строительный материал культуры, в том числе конструктор средневековых понятий и символов, помня, что это обоюдоострое оружие. Преодоление негативных явлений процесса осредневековывания в духе «темных веков» ставит на повестку дня два основных проекта. Условно, Новое Средневековье обретет, на наш взгляд, или имперский, или транскорпоративный вид. Попытаемся остановиться на них чуть подробнее.

Имперский проект

Транснациональная модель описывалась еще в середине XX в., однако сегодня обретает особую значимость в виде неофеодальных цифровых гигантов (Google, Facebook, Amazon и т.д.). Транскорпоративный проект имеет почтенную историю и вполне может быть отождествляем с такими средневековыми институциями, как монашеские и рыцарские ордена, церковь, торговые союзы городов. Они проявили жизнестойкость и конкурентоспособность, хотя и соперничали с государственными образованиями. В Новое время на этой традиции выросли трансконтинентальные Вест-Индские и Ост-Индские компании Португалии, Австро-Венгрии, Англии, Голландии, Франции, Швеции, Дании. Имперский проект в современном исполнении не избежит модернизационных вкраплений, но скорее попытается сыграть свою организационную и мобилизационную роль. Это вопрос предпочтений. Евroatlantika (Западная Европа, Северная Америка), скорее всего, будет использовать свой средневековый конструктор (неоинквизиция, неоеретизм, новая охота на ведьм, новые страхи, культура исключения) для создания нового варианта транснациональных объединений. Весь остальной мир попытается актуализировать такие имперские проекты, как Китайская империя, Держава Моголов (Индия), Иран, неоосманизм Турции, идеи Халифата; Москва — Третий Рим (имперская матрица Ивана III) и т.д. Еще раз повторяем, это лишь конструкторы. Однако в социальном проектировании в эпоху постмодернизма ни о чем, кроме как о конструировании и социальных практиках, говорить невозможно. Второго пришествия нет. Преображения нет. Есть лишь результаты сознательных технологических усилий.

Имперский проект нельзя квалифицировать как лучший или более конкурентоспособный. Он реализуется на своих родных территориях: Китай, Иран, Россия, Турция. Это пространства, которые с древнейших времен организуются исключительно имперским способом и строят определенную матрицу отношений. Попытки переформатировать матрицу неизбежно приводили империю к катастрофе. Так, отход от принципа веротерпимости, национальной терпимости, выход на первый план националистических сил привели к распаду Османскую империю. Гипертрофирование централизации и бюрократизации в Византии отвратило от Константинополя население Малой Азии и превратило их из ромеев в турок (условно, конечно).

Следует отметить, что европейские империи нельзя отождествлять с восточными вариантами. Европейский вариант империй предполагает наличие метрополии, беззащитно ограбляющей колонии и живущей за счет последних. Даже если Евroatlantika произведет очередной вариант модернизированной империи, то он неиз-

бежно приобретет вид колониальной конструкции. Париж, Нью-Йорк, Лондон, Берлин традиционно станут обеспечивать свое благополучие за счет периферии. Иные возможности не содержатся в матрице имперостроительства западных обществ. Именно поэтому их проект – безусловно транскорпоративный и неоколониальный.

Успешный имперский (евразийский) вариант должен исходить из целого ряда параметров. Причем оговоримся, что это идеологический проект, к реализации которого стремятся и из которого исходят в практической деятельности, но который в то же время в полном объеме недостижим. Идеальная империя подобна идеальному ордену нищенствующих францисканцев (аскетов, ищущих царство Божие, помогающих страждущим, лечащих болящих). Имеет ли место всё это? Конечно, лишь в той мере, в какой это допускает реальность.

Имперский проект формируется из-за невозможности развития на пространстве Евразии корпоративных связей. Здесь не представлены монашеские и рыцарские ордена, торговые и ремесленные объединения не имеют вида гильдий и цехов, союз торговых городов никогда не был освоен как форма хозяйственной и политической организации. В силу географических, этнических, внешнеполитических факторов имперская модель стала оптимальной. Другими способами стянуть грандиозные пространства не представилось возможным, а оставлять неосвоенными пространства – значит подвергать себя опасности. Империя здесь становится не вопросом обогащения, а вопросом выживания. Как правильно отмечал Иван Солоневич, говоря о Российской Империи: трудно разбогатеть, когда полстраны в полосе вечной мерзлоты, а половина – в полосе вечных нашествий. Та же ситуация вполне реализуется в пустынях и горах Китая и Ирана. Огромные территории – это прежде всего вопрос коммуникации и безопасности.

Организуя необъятные пространства, центр власти вынужден исходить из необходимости создания и поддержания того или иного варианта централизации и бюрократизации, которая обеспечивает управляемость и контролируемость. При этом Восточная империя должна создавать условия для межнационального и межрелигиозного мира. При всем авторитаризме огромные территории не могут управляться без самоорганизующихся территорий. Авторитарный стиль не столько тяготеет к деспотии, сколько исходит из принципа ответственности. Периферия не только подчиняется, но и ждет покровительства, защиты, справедливого суда. Стабильная империя это обеспечивает. Таким образом, империя обретает лояльность, предоставляя гарантии стабильности и возможности самообеспечения и развития. Этнические элиты при этом получают широкие возможности вертикальной мобильности. Для решения обо-

значенных задач империя создает мощный силовой блок, за что часто упрекается либерально ориентированными исследователями. Критики имперского проекта всегда отмечают его излишний милитаризм. Хотя именно транскорпоративная культура (транскорпоративный вариант империи) стала основой того, что военный комплекс и война обрели качество драйвера экономического развития. Экспорт войны стал в этой модели успешным бизнес-проектом. И традиции эти сформировали еще рыцарские ордена.

Помимо идей покровительства, национального мира, лояльности населения Империя стремится к экспансии. Однако этот термин необходимо уточнить. Евразийская имперская экспансия отличается от евро-атлантической, поскольку здесь центральной становится не проблема колониальной империи, а проблема обеспечения безопасности. Для Евразийской империи актуальна проблема рубежей. Рубежи – это безопасность границ и безопасность транзита. Именно этим можно объяснить все торговые, военные, политические экспансии. Китай интересовался безопасностью Шелкового пути вплоть до Средней Азии, и наличие сильных империй на западе Азии создавало для него гарантии экономической стабильности. Империя Чингизидов вся создавалась вдоль основных торговых путей. Именно желанием поставить под контроль Волжский торговый путь (Булгар – Рязань – Владимир – Новгород) объясняется методичное движение татаро-монгол на Русь. Этим же объяснялось движение Москвы на восток в XVI в. Евразийская империя двигает рубежи и экспортирует не войну, а безопасность. Война не является для ее экономики драйвером. Это стало причиной расширения, по мнению С.М. Соловьева, границ Российской Империи, которой требовалось включение противников в зону безопасности (кочевники, крымские татары, северо-кавказские народы и др.) [15].

Кстати будет отметить, что и транскорпоративным поискам не чуждо имперское мышление. Не случайно в Америке и Европе так популярно понятие «империя». Империя здесь предстает как культурный символ, причем не всегда наделенный негативным смыслом. Она представляется как информационная, культурная, технологическая, финансовая организация. При видимой рыхлости, данные организации через систему банков, НКО, фондов создают новые узлы коммуникации и власти. И они снова, как в Средние века, наполнены тайной, сакральным знанием.

Заключение

Мир вошел в полосу жесткой конкуренции. Мировой глобальный порядок долго поддерживался всеми, поскольку тревожно оказаться в новом времени и про-

странстве без прежних, понятных правил, финансовых инструментов, пусть и кредитного, но всё же сытного настоящего. Мы действительно стоим на пороге Нового Средневековья, мы действительно нуждаемся в преобразении, но пока не знаем, как это сделать. Главная задача оформляется как необходимость удержаться от скатывания в «темные века».

Средневековый конструктор становится инструментом соперничества проектов, фоновых социальных практик, формирования дискурсов в контексте столкновения ци-

вилизаций. Именно в качестве конструктора выступает эстетика. Соперничество политических, экономических, военных систем, систем безопасности, империй рубежей и транскорпоративных империй, колониализма или патернализма, многочисленных вариантов упорядочивания разворачивается на фоне, как это ни странно звучит, эстетических систем. Соперничающие модели будут разрабатывать эстетические образы, которые призваны выразить неосознанные стремления, поиски, чаяния, подсознательные желания обитателей грядущего нового мира.

Литература

1. Сорокин П.А. Николай Бердяев. URL: <https://www.xpa-spb.ru/libr/-Berdyayev-pro-et-contra-kniga-1/477-Sorokin-Nikolaj-Berdyayev.pdf> (дата обращения: 23.01.2023).
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1–2. М.: Академический проект, 2022. 1198 с.
3. Гэлбрейт Дж.К. Общество изобилия. М., 2018. 404 с.
4. Джекобс Д. Закат Америки. Впереди Средневековье. М., 2007. 264 с.
5. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. Homo Ludens. Эссе. М.: Ко-Либри, 2019. 1232 с.
6. Фуко М. Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
7. Васильченко А.В. Оккультный миф III Рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. 625 с.
8. The Nazi past of Golden Dawn, which it now denies. URL: http://www.grreporter.info/en/nazi_past_golden_dawn_which_it_now_denies/7775 (дата обращения: 23.01.2023).
9. Goodrick-Clarke N. Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism and the Politics of Identity. New York–London: New York University Press, 2002. 371 p.
10. Концепт «литвины» в этнокультурном самосознании белорусов. Свидетельства письменных источников XIV–XVII веков // Белорусская думка. 2009. № 11. С. 102–109.
11. «Великий туран» – миф или перспектива? URL: <https://www.toptj.com/News/2022/11/29/velikiy-turan-mif-ili-perspektiva> (дата обращения: 23.01.2023).
12. Рожденные майданом: как на Украине расцвела кровавая группировка Misanthropic Division. URL: <https://news-front.info/2022/05/29/rozhdennye-majdanom-kak-na-ukraine-rascvela-krovavaja-gruppirovka-misanthropic-division/> (дата обращения: 23.01.2023).
13. Турчинов О. Казка про добромола. URL: <https://www.rulit.me/books/kazka-pro-dobromola-read-691567-1.html> (дата обращения: 23.01.2023).
14. Депутаты Рады потребовали зарегистрировать общину язычников в Киеве. URL: https://lenta.ru/news/2017/05/26/rurik_wake_up/ (дата обращения: 23.01.2023).
15. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2022. 1024 с.

References

1. Sorokin, P.A. Nikolay Berdyayev. URL: <https://www.xpa-spb.ru/libr/-Berdyayev-pro-et-contra-kniga-1/477-Sorokin-Nikolaj-Berdyayev.pdf> (accessed on: 23.01.2023).
2. Spengler, O. The decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. 1–2 vols. Moscow: Academic Project, 2022. 1198 p.
3. Galbraith, J.K. The Society of Plenty. Moscow, 2018. 404 p.
4. Jacobs, J. The decline of America. Ahead of the Middle Ages. Moscow, 2007. 264 p.
5. Huizinga, J. The Autumn of the Middle Ages. Homo Ludens. Essays. Moscow: CoLibri, 2019. 1232 p.
6. Foucault, M. Need to protect society. St. Petersburg: Nauka, 2005. 312 p.
7. Vasilchenko, A.V. The occult myth of the Third Reich. Moscow: Yauza-press, 2008. 625 c.
8. The Nazi past of Golden Dawn, which it now denies. URL: http://www.grreporter.info/en/nazi_past_golden_dawn_which_it_now_denies/7775 (accessed on: 23.01.2023).
9. Goodrick-Clarke, N. Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism and the Politics of Identity. New York–London: New York University Press, 2002. 371 p.
10. The concept of “Litvins” in the ethno-cultural self-consciousness of the Belarusians. Evidence from written sources of the 14th–17th centuries. *Belorusskaya Dumka*. 2009. No. 11. P. 102–109.
11. “The Great Turan” – myth or perspective? URL: <https://www.toptj.com/News/2022/11/29/velikiy-turan-mif-ili-perspektiva> (accessed on: 23.01.2023).
12. Born of Maidan: How the Bloody Misanthropic Division blossomed in Ukraine. URL: <https://news-front.info/2022/05/29/rozhdennye-majdanom-kak-na-ukraine-rascvela-krovavaja-gruppirovka-misanthropic-division/> (accessed 23.01.2023).
13. Turchinov, O. A tale about Dobromol. URL: <https://www.rulit.me/books/kazka-pro-dobromola-read-691567-1.html> (accessed on: 23.01.2023).
14. Rada deputies demanded registration of pagan community in Kyiv. URL: https://lenta.ru/news/2017/05/26/rurik_wake_up/ (accessed on: 23.01.2023).
15. Solovyov, S.M. History of Russia since the most ancient times. Moscow: Eksmo, 2022. 1024 p.